

УДК 94

Федченко Олег Дмитриевич
Независимый исследователь,
Российская Федерация, Брянск, e-mail: vukby@yandex.ru

**САМБАТАС – ВЫШГОРОД:
РУСЬ У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО**

Статья посвящена изучению городов Древней Руси, упомянутых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» («De administrando imperio»). Определены границы «внешней» и «внутренней» Руси, локализованы местности, откуда прибывают к росам моноксилы. Найдено соответствие киевской крепости Самбат, которая имела славянское название Вышгород. Такой подход позволяет определить начальную территорию Киевской Руси и выявить первый этап становления древнерусского государства.

Ключевые слова: Византия, Русь, балты, варяги, славяне, Самбат, Киев, Новгород.

Oleg D. Fedchenko
Independent researcher;
Bryansk, Russia, vukby@yandex.ru

SAMBATAS – VYSHGOROD: RUS AT CONSTANTINE PORPHYROGENITUS

Abstract. *The article is devoted to the study of the cities of Ancient Rus mentioned in the treatise of Constantine Porphyrogenitus «De administrando imperio». The boundaries of the «external» and «internal» Rus are defined, the terrain is localized, from where the monoxyls arrive to the dews. The correspondence of the Kiev fortress Sambat, which had the Slav name Vyshgorod, was found. This approach allows us to determine the initial territory of Kievan Rus and to reveal the first stage of the formation of the ancient Russian state.*

Keywords: *Byzantium, Russia, Balts, Varangians, Slavs, Sambat, Kiev, Novgorod.*

Для цитирования:

Федченко О. Д. Самбатас – Вышгород: Русь у Константина Багрянородного // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). С. 28–33.

Средневековые источники о Руси оставили много загадок, над постижением которых сегодня бьются историки, лингвисты, археологи. Одной из обсуждаемых и остро дискуссионных тем стало именование древнерусских городов, упомянутых византийским императором Константином VII Багрянородным (Порфирогенитом) (905–959 гг.) в его трактате «De administrando imperio» («Об управлении империей», 948–952).

В нём автором перечислены следующие поселения: «Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδάς, ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος, ὁ υἱὸς Ἰγγωρ, τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας, ἐκαθέζετο, εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μιλίνισκαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιῶγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγραδέ. Ταῦτα οὖν ἅπαντα διὰ τοῦ ποταμοῦ κατέρχονται Δανάλρεως, καὶ ἐπισυνάγονται εἰς τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα, τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς... Καὶ Ἰουνίου μηνὸς διὰ τοῦ ποταμοῦ Δανάλρεως ἀποκινούμενοι, κατέρχονται εἰς τὸ Βιτετζέβη...» ([Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моносылы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, и другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самбатас..., двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву...) [1, с. 44]. И если с топонимами **Κιοάβα** — Киев и **Βιτετζέβη** — Витичев все предельно понятно, то остальные города трудно однозначно локализовать. На сегодняшний день Νεμογαρδάς сопоставляют с Новгородом, Μιλίνισκαν — со Смоленском, Τελιούτζαν — с Любичем, Τζερνιῶγαν — с Черниговым, Βουσεγραδέ — с Вышгородом. Топоним Σαμβατάς пока не имеет единого мнения по его идентификации [1, с. 310–315].

Рассказывая о Свентославе, византийский император указывает его местонахождение — **Νέμογαρδος** (Немогард). Строчкой ниже мы встречаем другой населённый пункт — Βουσεγραδέ (Вусеград), в названии которого использован славянский компонент *-град* (город), в отличие от частей, составляющих именование Немогард, одним из которых является балтское *-gard*. Следовательно, Немогард может быть представлен в виде двух компонентов: *namas+gardas*, что можно перевести, как «родовая усадьба, удел». При этом, как отмечает Р. Дерксен, *namas* — редкая форма, засвидетельствована лишь несколько раз в древних текстах из Кёнигсберга [16, с. 328]. Таким образом, данное поселение, вероятно, можно связать с княжеской резиденцией в Новгородской земле.

Σαμβατάς (Самб(в)атас) этимологизируют либо из славянского (*sovoden*, суводь), либо из тюркско-хазарского (от слов *sam* — «высокий, верхний» и *bat* — «сильный»), либо из скандинавского (*sand-bakki* — «песчаная отмель» или *sandbakka* — «песчаная возвышенность», другой вариант — *sambåt*, где *sam* («вместе») + *båt* («лодка»), то есть «место сбора лодок»). Главная проблема подобных версий — отсутствие их согласованности в рамках единой концепции. В нашем же видении этой проблемы ответ следует искать в балтской языковой среде. Присутствие балтского начала

определено в «росских» названиях днепровских порогов, приводимых Константином Багрянородным [13, с. 31–35], в гидронимии Поднепровья [11, с. 175], в антропонимах русов Рюрика [14, с. 42–43].

Анализируя использованное византийским императором название крепости Самбатас, целесообразно упомянуть Самбию — историческую область на территории современной Калининградской области, располагавшейся на месте расселения прусского племени самбов на Самбийском (Земландском) полуострове Балтийского моря. Небезынтересным, но не бесспорным, выглядит этимология названия полуострова у В. Мажюлиса, который оперирует в основном термином *žemė* [17, Т. 4, с. 56–58]. Однако подобный подход оправдан для региона Жемайтія (низина, нижняя земля), тогда как на территории полуострова имеем противоположное — Самбийскую возвышенность. В таком случае предпочтительным является производное от основы на *žambas* — острый край (с семантикой «выступ») [16, с. 512]. Сюда же можно отнести глаголы *žambėti/žėmbėti* — прорасти, пробиваться; *žėmbti* — косо обрезать, затачивать.

Относительно Самбатас, с одной стороны, мы имеем литовское *žambótas* — угол, край, а с другой, возможно соединение *žambas* и *butas* — сооружение, дом. Тогда, Самбатас — это крепость на высоком изрезанном выступе, что характерно для укрепленного поселения тех лет. Похожую конфигурацию имеет мысовидный выступ на берегу Днепра, известный как Ольгина гора, который с трёх сторон отточен ярами [2, с. 283]. Можно предположить, что крепость Самбатас и есть объект, по-славянски именуемый Вышгород. Ориентировочную версию озвучил О. Н. Трубецкой, который указал, что первоначально Киев и Самбатас обозначали топографически разные места: **Kyjevъ* — городища Кия, а **sovodъ* — Σαμβατάς Константина Багрянородного — территории близ слияния Десны с Днепром (ср. там гидроним *Сувид*) [8, с. 15]. Здесь уместно вспомнить утверждение В. И. Довженко, что в X веке укрепленные территории в Киеве и Вышгороде были приблизительно равны [3, с. 40]. Вместе с тем, Вышгород изначально создавался как город-крепость с системой наблюдательных пунктов, контролирующих северные подходы к Киеву и располагавшийся на высоком берегу Днепра [9, с. 18, 23].

Встаёт закономерный вопрос о несоответствии принятой ныне локализации **Βουσεγυραδέ** — Вышгород. Затруднительно и объяснение **Τζερνιϋόγαν** как Чернигова, поскольку Десна впадает в Днепр ниже Вышгорода, т. е. тем, кто на моносилах спускался по Днепру, пришлось бы отклоняться от маршрута вверх по течению. Между тем, для таких судов есть ещё одно место сбора — крепость Витичев [1, с. 47] — форпост, видимо, аналогичный Вышгороду, только с южной стороны Киева.

Чтобы восстановить упомянутые Константином Багрянородным поселения на карте Древней Руси, нужно отыскать «внешнюю» и «внутреннюю» Русь. Граница первой в тексте «De administrando imperio» названа прямо — Немогард, т. е. северная новгородская земля. Вторую же

можно сопоставить с землей киевской. Отметим, что в те времена Русь не была монолитным государственным образованием, а строилась на принципе «центр–пактионы». Политическим ядром стали Новгород и Киев. В «Повести временных лет» летописец отметил: «и ре^ч Шлегь. се буди мѣ(и) городо^м Рус^кскимъ. и бѣша оу него Словѣни. и В(а)рази. и прочии прозвашаса Русью» [5]. Мы видим, что Киев, как и Новгород, отмечен русским городом. Остальные славянские племенные центры оставались на уровне пактионов. Таким образом и сформировалось у Порфириогенита понимание Руси: Новгород — внешняя (дальняя граница), Киев — внутренняя (ближняя), остальные — Славинии — пактионы.

Тогда есть резон взглянуть на цитату «εἰσὶ δὲ καὶ ἄλλο τὸ κάστρον τὴν Μιλινίσκαν καὶ ἄλλο Τελιούτζαν καὶ Τζερνιῶγαν καὶ ἄλλο τοῦ Βουσεγυραδέ» с другого ракурса. Может оказаться, что речь идёт о землях древлян, расположенных по правобережью Днепра в междуречье Ирпень — Случь — Уж. Крепость **Μιλινίσκαν** может быть локализована как древнее укрепленное поселение Малин. Малинское городище занимает мысоподобный выступ левого коренного берега реки Ирша, левый приток реки Тетерев [4, с. 122].

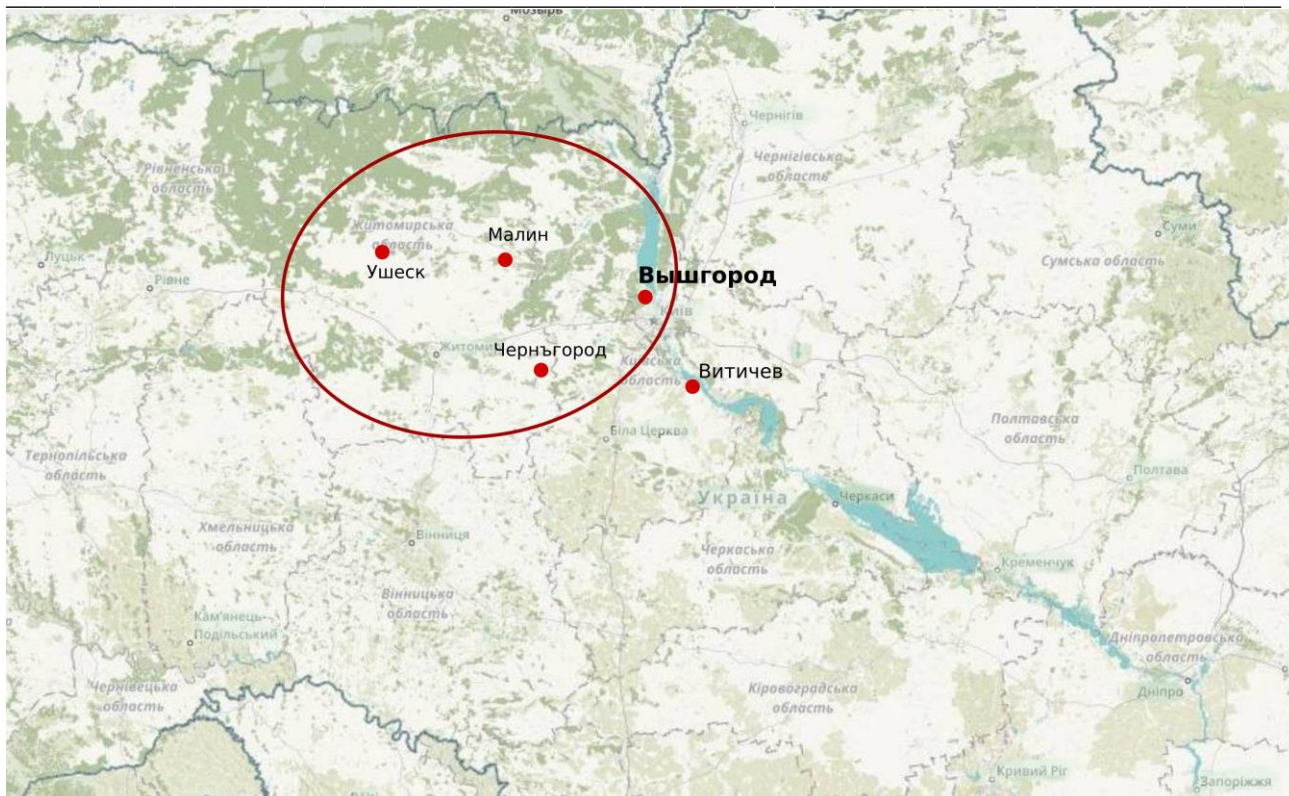
Вусеград, упомянутый в описании Багрянородного, можно сопоставить с градом на реке Уж. Вероятно, мы имеем дело с древнерусским летописным городом Ушеск. Единое понимание места его локализации пока не сформировано [10, с. 496–498]. С учётом представленных вариантов, предпочтительным выглядит соответствие с городищем с. Бараши. Отметим, что допускается вариативность уж-/уш-/ус-, например, в работе «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» в одном ряду рассматривают гидронимы Ужница, Уша, Уса и подобные [11, с. 211–212]. Южнославянское диалектное звучание вуж-/вуш-/вус- объясняет греческую передачу Βουσ-.

Локализация местечка **Τζερνιῶγαν** может привести к древнерусскому Чернѣгороду, который упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних». Как отмечает М. Н. Тихомиров, Чернѣгород в действительности существовал на Рпени (река Ирпень) как особое поселение [12, с. 102].

Место, указанное как **Τελιούτζαν**, может быть связано со средним течением реки Случь. Вероятно, мы имеем искажённое греками выражение «ть/ть Случь», в котором ть/ть — указательная частица (от, из, с) [6, с. 956, 1042, 1067] и Случь, соответственно, правый приток реки Горыни.

Таким образом, территория «внутренней», или Киевской, Руси может располагаться в выше названном междуречье Днепр — Уж — Случь — Ирпень (см. карту 1).

Теперь вернёмся к трактату «De administrando imperio» и сравним наши выводы с ещё одним приведённым в нём свидетельством: «Οἱ δὲ Σκλάβοι, οἱ λακτιῶται αὐτῶν, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγόμενοι, καὶ οἱ Λενζανῆνοι καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηναὶ εἰς τὰ ὄρη αὐτῶν κόλπουσι τὰ μονόξυλα ἐν τῷ τοῦ χειμῶνος καιρῷ... (Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии рубят в своих горах моноксилы во время зимы...)» [1, с. 45].

Карта 1. Границы Киевской Руси в X веке (сплошная красная линия). Авторская версия.

Для карты использована основа «© Участники OpenStreetMap», распространяется по Open Database Licence (www.openstreetmap.org/copyright)

Сообщение Константина Багрянородного о горах ставит исследователей в тупик [1, с. 317–318]. Однако в нашем случае всё соответствует описанию византийского императора: локализованная территория с запада опоясана Приднепровской возвышенностью и включает её северную часть. Здесь же можно отметить, что **Κριβηταινοι** и **Λευζανῆνοι** есть указание на географическое положение жителей тех мест. Первые, вероятно, происходят от корня *krivъ в значении «наклонный», «изогнутый» [15, Т. 12 с. 171], т. е. проживающие по склонам, холмам. Вторые могут быть связаны с *ležina – «топкое, болотистое место в лесу» [15, Т. 15 с. 66]. Примерно такое же упоминание особенностей местности имеется в Иоакимовской летописи: «Славяне, живущие по Днепру, называемые поляне и горяне...» [7].

Таким образом, можно утверждать, что Константин Багрянородный достаточно точно описал ситуацию, имевшуюся на первоначальном этапе формирования древнерусского государства. Центрами притяжения в создаваемом государственном объединении стали Новгородская и Киевская земли. Первая определялась территориями, подконтрольными Новгороду — Ладога, Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром: «Варази . пѣрвии наслѣдници в Новѣгородѣ Словенѣ. и в Полютьскѣ Кривичи. Ростовѣ Меране. Бѣлѣзерѣ Весь. Муромѣ Муроме. и тѣми всѣми шладаше Рюрикѣ» [7]. Второй центр, как мы выяснили, включал в себя «русский» Киев и прилегающие славянские земли полян и древлян (горян).

Литература

1. Багрянородный Константин. Об управлении империей // Текст, перевод, комментарии / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М. : Наука, 1989. 496 с.
2. Бібіков Д. В. Нові дані до історичної топографії середньовічного Вишгорода // Древности-2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. С. 283–291.
3. Довженок В. Й. Древний Вишгород // Вісник Академії наук УРСР. 1949. № 8. С. 40–48.
4. Звіздецький Б. А. Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян. Київ: Інститут археології НАН України, 2008. 178 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Стлб. 21–35. URL: <http://litopys.org.ua/ipatlet/ipato1.htm>
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3: Р – Я. СПб. : Тип. Императорской АН, 1912. С. 1684.
7. Татищев В. Н. История Российская. Об истории Иоакима, епископа Новгородского. URL: <http://magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis004.htm>
8. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. : Наука, 1979. 556 с.
9. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. : Наука, 1975. С. 5–57.
10. Томашевский А. П., Павленко С. В. Городища и укрепления средневековой Овручской волости // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи. Київ : Стародавній Світ, 2014. С. 470–512.
11. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.
12. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 3–17.
13. Федченко О. Д. Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий) // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Международ. науч. конф. Казань : Бук, 2017. С. 30–36.
14. Федченко О. Д. Рюрик и его команда (этимология антропонимов) // Вопросы исторической науки: материалы V Международ. науч. конф. Казань : Бук, 2017. С. 40–45.
15. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд): в 32 т. / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1987–2012.
16. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill : Leiden·Boston, 2015. P. 684.
17. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas: į 4 tomai. Vilnius: Mokslo, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997.